

НОВЫЙ ЦЕЗАРОПАПИЗМ, ПАНИХИДА ПО ДЕМОКРАТИИ И НАШЕ НЕ СОСТОЯВШЕЕСЯ ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Владислав Бачинин, доктор социологических наук
профессор, главный научный сотрудник
Социологического института РАН

События последних месяцев 2007 года с максимальной очевидностью продемонстрировали несколько весьма сумрачных реалий и вплотную подвели аналитиков к ряду вынужденных нелицеприятных констатаций:

- демократия в России, как сказал бы В. Розанов, «слияла в три дня»;
- легкое и быстрое возрождение авторитаризма свидетельствует о том, что недуг, мучавший страну на протяжении большей части XX столетия, не покинул ее, и до исцеления её коллективной души и социального тела пока еще очень далеко;
- со всей очевидностью обнаружилось состояние духовного полураспада, в котором пребывает большая часть многомиллионного народа, спокойно довольствующаяся состоянием политической «биомассы» и даже охотно его демонстрирующая;
- заявила о себе насущная необходимость перехода теоретического сознания политических социологов в сопредельное дискурсивное пространство, где главным предметом анализа должно стать не столько социальное поведение политических узурпаторов, сколько «филоавтократическое» состояние массового сознания.

Сегодня приходится признать, что духовное возрождение России не состоялось. Ей не позволили духовно воспрянуть не новые политические обстоятельства, а застарелые духовные болезни. Они по сей день заставляют ее оставаться в привычном девиантном состоянии системы-ретарданта. Помнится, еще в 1990-е гг. Иоанн Павел II предупреждал, что современный мир таит в себе много опасностей, одна из которых — возрождение тоталитарных режимов. В те годы в России предупреждения такого рода мало кем воспринимались всерьез, но прошло полтора десятилетия, и стали очевидны близорукость отечественных оптимистов и дальновидность старого, мудрого алармиста.

Одна из самых тяжелых болезней, от которой уже давно страдает российская социальная система, носит довольно странное название: оно такое же несовременное, как, скажем, слово *подагра*. Имя этой болезни — *византизм*.

Некогда Русь-Россия унаследовала от Византии вместе с православием так же и основную стратегию выстраивания социально-политических, церковно-государственных отношений. Получившая впоследствии название *византизма*, эта стратегия сыграла в истории страны роль *системообразующей парадигмы*. Она развернулась в обширный культурно-исторический комплекс религиозных, социальных, политических, правовых, моральных идей и соответствующих им социальных практик. Она же обусловила основные отличия российской цивилизации от цивилизации западной.

Если для западного, не только католического и протестантского, но и секулярного сознания основания его самоидентификации укоренены в символической триаде «Афины — Рим — Иерусалим», то для византистского сознания необходимым и достаточным основанием его идентичности служит монада «Константинополь» и выросшая на ее основе идеологема «третьего Рима».

Стратегия византизма, обладающая ярко выраженным авторитарно-аподиктическим характером, заряженная волей к власти, представляет собой жесткую нормативную

структуру, не допускающую в свои внутренние семантические и аксиологические пределы ничего из того, что могло бы поколебать ее устойчивость. Поэтому на протяжении веков она плохо поддается каким-либо существенным содержательным трансформациям. Составляющей ее ядро принцип цезаропапизма, ориентированный на то, чтобы объединять духовную и светскую ипостаси власти и превращать их в две функции одного политического субъекта — государства, позволил последнему лишить церковь свободы, поставить ее в подневольное, почти рабское положение.

Цезаропапизм, пройдя в России через несколько исторических фаз своего существования, допетровскую, петербургско-имперскую и советско-имперскую, во всех случаях сохранял в себе горделиво-надменную уверенность государства в собственном превосходстве над церковью, в своем праве пользоваться любыми средствами и в первую очередь прямым силовым напором в практике выстраивания государственно-церковных отношений. В результате эти отношения надолго приняли характерное направление, двигаясь по которому их государственная составляющая неуклонно крепла, а церковно-духовная всё более хирела.

Если попытаться обозначить основные признаки византистского социального сознания, которые придают ему девиантный характер, и с которыми оно вступило в эпоху модерна, то этот перечень будет выглядеть следующим образом:

- изоляционизм, недоверие к тем социально-правовым формам регуляции общественных отношений, которые имеют западноевропейское происхождение; традиционная враждебность византистского сознания к демократически-гражданским ценностям; маскируемая неприязненным отношением к католицизму и протестантизму, она приняла вид иррационально мотивированной межконфессиональной ксенофобии, ставшей устойчивой чертой этого типа сознания;
- отсутствие явно выраженной потребности в свободе, готовность пребывать в полном социальном и духовном подчинении у светской власти, активно пользующейся механизмами неправового, антидемократического регулирования;
- несбалансированность отношений между теоцентрическими и «государствотрицентрическими» ментальными структурами и готовность легко жертвовать первыми в угоду вторым;
- консерватизм как прочная привязанность к традициям жестко авторитарного, неправового регулирования хода социальной жизни и вытекающее из этого отсутствие необходимых навыков существования в условиях правовой государственности, гражданского общества, демократического плюрализма мнений;
- признание доминирующей роли цезаропапистской модели конструирования системы государственно-церковных отношений.

Иногда говорят о том, что Россия, в отличие от Запада, не знала теократии. Это верно только до известных пределов. Не зная западных форм теократии, Россия с избытком насытилась собственной, превратной ее разновидностью — цезаропапизмом. Насыщенный духом брутального этатизма, он нес в себе внутреннюю враждебность не только по отношению к церкви, но и к де-

мократии, праву, личности, свободе, нравственности, духовности. Этим ценностям потому так трудно было утвердиться в России в должном виде, что дух цезаропапизма откровенно блокировал процесс их развития и распространения. Им еще как-то удавалось потерянню перебиваться где-то на перифериях культурного сознания, но проникнуть в государственные, политико-идеологические сферы и занять там подобающее место они не смогли в прошлом и не могут в настоящем.

Поначалу господство секуляризованной версии цезаропапистского духа обернулось для России трагедией полного порабощения государством одной из древнейших христианских церквей. Цезаропапизм отнял у церкви свободу духовного самоопределения, лишил ее социального голоса и значительной доли духовных сил. Прижав ее слишком плотно к себе и слившись с ней едва ли не в единое целое, он своим брутальным нажимом лишил ее способности к сопротивлению. И когда в начале XX века самодержавное государство пало, то у церкви не нашлось достаточных духовных сил, чтобы противостоять монстру коммунизма, который поставил ее на колени, занес над ней топор, а затем и обрушил на нее. Более того, когда пал сам этот монстр, то церковь не смогла выполнить миссию духовного путеводительства-пастырства, не сумела помочь миллионам заблудших овец выбраться из состояния духовной тьмы и оставалась в роли достаточно пассивного созерцателя, на глазах которого осуществлялась фактически поощряемая властью «телесоциализация» новых поколений, ставшая на деле практикой их массового духовного растреления.

Многие успели привыкнуть к тому, что большинство утрат, понесенных Россией в XX столетии, списываются по везомству западных идейных влияний и происков зараженных ими либералов. Однако у нас крайне редко говорят о существовании внутренней язвы, подточившей ствол гигантского древа могучей цивилизации. Между тем, именно цезаропапизм явил собой в византистской идеологии то гибельное семя, которое не имело ничего общего с первородным христианством и которое лишило церковь иммунитета против растлевающего влияния имперско-бюрократического духа, не позволило ей духовно вооружить свою паству против потоков «растлительных идей», уберечь страну от трех революций, а ее народ от самоистребления и духовной деградации.

То, что в византийском православии выглядело великолепным в обрядово-ритуальной области, оборачивалось множеством явных упущений и роковых ошибок в социально-политической и гражданской жизни России. Византийское духовно-социальное наследие в очень малой степени способствовало развитию демократического правосознания, как индивидуального, так и массового. Оно требовало от разума покорности, отрицало нравственную автономию индивидуальной совести, не позволяло развиваться свободному сознанию личности, выступало как идеология поглощения личностного начала соборно-коллективистско-корпоративными началами. Именно живостью византистского наследия во многом объясняется тот низкий уровень правосознания, который всегда, вплоть до настоящего времени, был свойствен русскому народу.

Социальное, политическое, правовое, моральное сознание византистского типа обрело в условиях России ту полноту конкретно-исторических признаков, которые позволяют отнести его к *девиантным* формам. Но предельная, доходящая до парадоксальности степень всех мыслимых и немислимых отклонений обнаружилась тогда, когда в России возник и распространился тип *неовизантистского секулярного сознания*, негативно относящегося к ценностям правовой государственности, к идее гражданского общества и к демократическим свободам.

Большевизм-сталинизм, а следом за ним и отечественный авторитаризм в его постсталинских и постсоветских формах, при всем их атеизме-секуляризме, сохранили принцип цезаропапизма в арсенале своих политических инструментов. Сегодня высшая власть, цинично потакающая процессам духовного растреления масс, стремится присвоить себе функции духовного лидерства-водительства, ни мало не смущаясь химерическим видом своих стратегий, не вписывавшихся ни в какие аксиологические реестры цивилизованного сознания.

Устойчивость нормативно-ценностных структур социального сознания византистского типа, сохраняющегося по сей день, объясняется во многом тем, что они складывались на протяжении длительного времени под воздействием как общих, так и особенных причинно-детерминационных механизмов. На Западе определяющую роль в развитии демократических ментальных и институциональных структур Нового времени сыграл конфессиональный дуализм католицизма и протестантизма. В России же развитие аналогичных структур оказалось затруднено глубоко укоренившимся, традиционным православным монизмом. Западное сознание, оказавшееся перед лицом двух равно влиятельных религиозных систем, вынуждено было разрабатывать социальные, политические, правовые принципы их совместного сосуществования в общественных пространствах европейских государств — демократические принципы взаимоотношений государства и гражданского общества, свободы вероисповедания, прав человека, веротерпимости-толерантности. Российское же государство и РПЦ и сегодня с большим неудовольствием терпят присутствие на своих «канонических территориях» носителей иных христианских вероучений. Подобная позиция конфессиональной интолерантности, демонстрируемая светскими и церковными «верхами», негативно влияет на российские «низы», на отечественное массовое сознание. Поэтому не приходится удивляться, что для последнего демократические, правовые ценности социально-религиозной толерантности остаются до сих пор чем-то весьма экзотическим, непривычным и даже чужеродным.

С особым рвением процесс проникновения демократически-правовых ценностей в наше отечество блокировался на протяжении последних ста лет. И это не в последнюю очередь способствовало тому, что за Россией, в конце концов, прочно закрепилось печальное слава исторического неудачника. Те экзамены, которые социальная жизнь, мировой исторический процесс регулярно заставляли ее сдавать, она столь же регулярно проваливала. Непрерывающаяся депопуляция, материальное обнищание миллионов, полураспадающаяся экономика, гибнущая, спивающаяся деревня, не иссякающий эмиграционный отток, деморализованная молодежь, легко превращающаяся в скинхэдов, фашистов и «нашистов», — вот те «двойки», которые выставляет стране-неудачнику строгий экзаменатор жизнь.

Если приложить к российской истории указанного периода самый главный критерий, касающийся жизни не тела, а духа, то можно констатировать наличие не «виктории», а сокрушительной «конфузии». Об этом свидетельствуют убожество той наличной степени духовности, которой обладает современный «постсоветок» и идущий полным ходом процесс массового обольвания миллионов. Духовность отсутствует в жизни государственных институтов (где ее, впрочем, никогда и не было). В жизни церкви ее крайне мало, на самом доньшке, то есть ни как не достаточно для того, чтобы твердо и неукоснительно исполнять свое главное предназначение — помогать народу выбираться из состояния того духовного помрачения, в которое его вогнали коммунисты. Народ продолжает пребывать в состоянии религиозного невежества и

нравственного отупения, когда родителям нечего передать детям. Бывший советский человек, отбросив фигурный листок коммунистической идеологии, превратился в естественного, плотского человека, погруженного в атмосферу непрекращающегося «телекарнавала» и не желающего замечать, как вокруг него три ветви власти уже превратились в одну-единственную вертикаль личной власти с явными цезаропапистскими признаками.

Приходится констатировать, что степень нравственной анемии массового сознания сегодня такова, что оно вряд ли окажет хотя бы малейшее сопротивление, если новоявленный «духовный лидер» задумает, например, вручить портфель министра культуры в новом правительстве одиозной Ксении Собчак.

Помнится, в 1980-е гг., в начале перестройки у гуманитарной интеллигенции большой интерес вызвала тема тоталитаризма. Но прошло совсем немного времени, и интерес к ней как-то слишком быстро иссяк, она перестала быть «модной». Статьи, книги, диссертации о тоталитаризме перестали пользоваться должным вниманием. Пациент вместо того, чтобы лечить застарелую болезнь, предпочел о ней не вспоминать и жить так, как будто ее не было, и нет. Между тем, глубокая поражённость духовных структур индивидуального и массового сознания сохранилась и не могла не дать о себе знать. Для этого потребовалось совсем не многое — воспроизведение некогда уже существовавшей общественной ситуации вместе с реанимацией базовых институтов тоталитарно-репрессивного характера. И как только их контуры стали отчетливо обозначаться в российском социальном пространстве, массовое сознание, давно уже имевшее самую тяжелую группу исторической инвалидности, не нашло в себе духовных сил, чтобы оказать сопротивление узурпаторам, покусившимся на его естественные права и свободы. Впрочем, иначе, наверное, и быть не могло. Народ, изломанный непосильными испытаниями XX столетия, оказался способен лишь на то, чтобы либо поспешно разбежаться с тонущей посудины по всей планете, либо тихо спиваться в бескрайних российских провинциях. И вот результат: тема тоталитаризма, столь опрометчиво задвинутая нашими гуманитариями на задворки общественного сознания, опять выдвинулась на его авансцену. Изменились действующие лица, декорации, публика в зале, но старый спектакль «Власть тьмы» уже идет полным ходом.

В свое время, когда Александр Солженицын писал «Архипелаг ГУЛАГ», его поразили собственные сопоставления СССР с Германией. Он сравнил цифры осужденных «архитекторов» и «проробов» советского и немецкого тоталитаризмов в обеих странах. Оказалось, что к 1960-м годам в Германии их было осуждено 86 тысяч, а в СССР «около тринадцати человек». Это сравнение действовало на самого писателя крайне удручающе: «Загадка, которую не нам, современникам, разгадать: для чего Германии дано наказывать своих злодеев, а России — не дано? Что ж за гибельный будет путь у нас, если не дано нам очиститься от этой скверны, гниющей в нашем теле? Чему же сможет Россия научить мир?»¹

Поначалу читателю кажется, что у Солженицына нет ответов на эти вопросы, или, по крайней мере, когда писался «Архипелаг», их у него не было. Его собственное секулярное миропонимание, казалось бы, перекрыло ему путь к ответам. Но, к счастью, это оказалось не так. Переуносенные страдания, напряженный труд души, неустанное духовное искание приблизили писателя к той черте, где секуляризм заканчивается, где становится очевидной неспособность атеистического мышления объяснить сложнейшие перепады социальной истории. И тогда перед

ищущим духом открылось иное измерение, позволившее увидеть то, что прежде от него было скрыто. Солженицыну, как некогда Чаадаеву, только уже в ином аксиологическом ракурсе, открылось, что Россия может научить мир, преподнеся ему горький урок: *без всеобщего религиозного покаяния, без христианского очищения страна и ее народ обречены на длительную агонию и мучительную гибель*. С Германией этого, наверняка, не произойдет: «Страна, которая восемьдесят шесть тысяч раз с помосту судьи осудила порок (и бесповоротно осудила его в литературе и среди молодежи) — год за годом, ступенька за ступенькой очищается от него. А что же делать нам?.. Когда-нибудь наши потомки назовут несколько наших поколений — поколениями слонтяев: сперва мы покорно позволяли избивать нас миллионами, потом мы заботливо холили убийц в их благополучной старости. Что же делать, если великая традиция русского покаяния им непонятна и смешна?»²

Но то, что открылось мученику ГУЛАГа, остается до сих пор закрытым для миллионов его соотечественников. И хотя писатель зывал и призывал, но в его тоне уже тогда не чувствовалось уверенности, что он будет услышан согражданами: «Мы должны осудить публично самую идею расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтобы только не выпер наружу, — мы сеем его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем. Не называя, не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость — мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости. Оттого-то они «равнодушные» и растут, а не из-за «слабости воспитательной работы». Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие. И неуютно же, и страшно будет в такой стране жить!»³

Эти предупреждения о возможности возвращений к тому, от чего ушли, оказались пророческими. Церковь, народ, его правители, так и не покаившиеся, не получили прощения свыше, потому и продолжают пребывать во власти темных сил, которые кружат страну по замкнутому пространству повторяющихся ошибок. Духовно слепые поводыри ведут за собой духовно слепое стадо. В этих условиях самые ученые, самые «продвинутые» носители секулярного мышления поучают свои аудитории при помощи постмодернистских констатаций о нынешнем доминировании принципа «дежавю» и о вступлении страны в эпоху *политической эклектики*. Но это только «ученые слова», обозначающие сугубо прозаические вещи, связанные с обычными, вечными процессами увядания, разложения, умирания. Позитива в них нет, как нет его в констатациях о глубоко бездарной, упадочнической поре реального заката российского мира. Позитив следует искать за пределами секуляризма, куда отечественная социальная мысль разучилась заглядывать после того, как завершился ее «серебряный век». Между тем, опыт «отцов-основателей» русской контрсекулярной философии, социологии и политологии вплотную мог бы подвести нас к пониманию того, что пока мы не начнем считаться с трансцендентной реальностью, с тем, что она реально присутствует в нашей жизни и весьма ощутимо детерминирует ее, мы мало, что поймем в том, что с нами происходит. Н. А. Бердяев писал: «Тот, кто не хочет признать высшего, тот попадает во власть к низшему. Таков закон мировой справедливости. Восставший против Бога и не почитающий святых ползает на животе перед идолами и рабствует перед гадами»⁴.

2 Там же. С. 168.

3 Там же.

4 Бердяев Н. А. Демократия и личность. — Он же. Падение священного царства. Публицистика 1914 — 1922. М., 2007. С. 635.

1 Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918 — 1956: опыт художественного исследования. [В 3 кн.]. Ч. I — II. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 167.

Авторитарная система неовизантистского характера столь быстро и легко возродилась потому, что она в наибольшей мере соответствует той деформированной, выхолощенной, атеизированной духовности, носителем которой является большая часть нынешней генерации российского народа. Одновременно она предстает в качестве воздаяния этому народу за его неспособность к покаянию и метанойе. Хотим мы того или нет, но без покаяния невозможно духовное возрождение, невозможно превращение рабской психологии в психологию свободного человека.

Удручающе выглядят попытки заблокировать этот путь не махровыми сталинистами, не ограниченными прагматиками-атеистами, а высоколобыми верующими учеными, чей уровень духовности все привыкли воспринимать как эталон. Когда сегодня читаешь какие-то растерянные рассуждения С. С. Аверинцева на тему «что делать?», датированные 2001 годом⁵, начинаешь понимать их глубинную подоплеку. В тогдашнем неприятии православным интеллектуалом идеи Нюрнбергского процесса над тоталитаризмом, в его сочувственном отношении к бывшей советской элите, в защите ее права оставаться наверху в обмен на бескровное освобождение от гне-

та советской идеологии угадывается старый византистский след с характерным для него стремлением обойтись в лечении запущенной болезни без социальной хирургии либерально-демократического, гражданско-правового характера.

В итоге не приходится удивляться, что роль православной интеллигенции в духовном возрождении страны оказалась столь же незначительна, как и роль православной церкви и фактически успеха не имела. Духовный хребет народа, некогда переломленный тоталитаризмом, так и не сросся, и духовная сила продолжала из него вытекать все последние годы. Сегодня этот народ — отнюдь не симфоническая личность, а, к большому сожалению и великому несчастью, коллективный, многомиллионный «живой труп», не способный к духовному сопротивлению политическим насильникам, к духовной войне со злом. Труп же, даже если он пока еще «живой», уже не нужна свобода, с трупом можно делать, что угодно. И за фактически уже наступившей духовной гибелью, за параллелью высших духовных функций, за клинической смертью совсем не далеко и до гибели физической, поскольку, если нет покаяния, то нет и спасения.

5 Аверинцев С. С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации. — Новый мир, 2001, №9.